

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Интервью всегда было любимым жанром у читателей, потому как нет ничего ярче, острее и занимательнее, чем рассказ творческого человека о том, что он хотел выразить в своей работе. Иногда это помогает глубже понять роман, спектакль или интерпретацию музыкального шедевра, а порой, наоборот, поражает парадоксальностью мышления автора и осознанием того, что ваше восприятие в корне отлично от того, что было задумано автором. Сегодня «от первого лица» на злободневные темы высказываются писатель, пианист и актер. С чем согласимся?..

Право на аншлаг надо доказывать

Фото

Денис Мацуев выпустил новый альбом. В его основу легло выступление российского пианиста в «Карнеги Холл».

Альбом открывается записью Второго концерта Рахманинова.

Диск вышел в свет в год 140-летия одного из самых важных для Мацуева композиторов. Кстати, Мацуев является музыкальным послом фонда Sergej Rachmaninov Foundation. И не кому-нибудь, а именно ему несколько лет назад фонд доверил исполнение неизвестных опусов композитора, сенсационно обнаруженных в архивах. С ними Мацуев тоже записал альбом.

— Как эти сочинения попали к вам?

— Из передал мне внук композитора — Александр Борисович. Это студенческие работы Рахманинова. Легенда гласит, что он, 19-летний студент консерватории, послал свои произведения Чайковскому, дабы мэтр их оценил. Ноты были переданы через секретариат, но они потеряли, и до Чайковского они не дошли.

Увидев партитуру, я очень удивился. Откровенно другая музыка, другой язык. Никогда бы не подумал, что это написал Сергей Рахманинов. И все же там есть его интонации, их ни с чем не спутаешь.

— После вас кто-нибудь исполнял эти произведения?

— Теперь уже многие их играют. Они введены в музыкальный оборот. Ноты продаются во всем мире, и я знаю, что музыканты включают эти произведения в свои концертные программы. Рахманинова нельзя не играть. Он был гениальным и как композитор, и как пианист и дирижер. Мне Рахманинов очень близок. Благодаря его вику я окунулся в атмосферу рахманиновского дома. Много читал его писем и благодарен судьбе за то, что она соединила меня не только с произведениями Рахманинова, но и с его семьей, домом. И даже с его роялем. Ведь мой альбом записывался на рояле самого композитора. Этот рояль находится в имени Сергея Рахманинова с 1928 года. Инструмент колossalный. Звук

неповторим, опущение — будто поешь.

— Что такое «русская фортепианная школа»? И правда ли, что она имеет позицию?

— Эта «школа» уникальна. И она никогда не денется. Просто раньше мы жили за железным занавесом, и все профессора, все исполнители концентрировались в СССР, никто никогда не уезжал. А сейчас «русская фортепианная школа» как бы растворилась в мировом культурном потоке. Она присутствует в университетах Лондона, Токио, Брюсселя, Парижа... Наши педагоги учат сейчас и китайцев, и корейцев. Но если мы будем думать о своих музыкальных школах, то рано или поздно потеряем то, что у нас есть.

— А победа на Международном конкурсе имени Чайковского такую гарантию дает?

— Я победил на нем в 1998 году. Но не могу сказать, что после этого моя творческая судьба круто изменилась. Нет, я не получил ни одного соленного концерта. Все мои выступления я организовывал сам, через личные связи, знакомства. Да и вообще конкурс дает музыканту лишь некий шанс на дальнейшую карьеру. Все остальное зависит от тебя самого. Ты должен правильно выстроить свой репертуар, научиться подицивать контракты... И, наложив немало дров, я прошел через все это.

— И все же, как президент Международного фонда «Новые имена» вы наверняка ставите перед собой задачу искать юные дарования, чтобы впоследствии вырастить из них музыкальных звезд. И будущий арт-директором фестиваля «Кременчук», вы разве не стремитесь поскорее представить публике этого или иного молодого музыканта?

— Одно и то же произведение пианист в разном возрасте играет по-разному?

— Да. Если у тебя нет эволюции в интерпретации, то тебе, считаю, не стоит вообще на сцену выходить. Я сыграл Первый концерт Чайковского более 300-400 раз и, нафиг, ни разу не повторился. Когда я играю с такими дирижерами, как Владимир Федосов, Владимир Спиваков, Михаил Плетнёв, я всегда импровизирую. Это такие дирижеры, с которыми можно импровизировать прямо на сцене. Импровизировать — в смысле интерпретации произведения. Удачи тут случаются, как правило, спонтанно. Да и в жизни точно так же. Ты что-то планируешь, а получается иначе — подчас лучше, чем ты ожидал.

— Но почему российскому музыканту, чтобы состояться в России, надо сначала состояться в Европе, Америке?

— Тому много разных причин,

но в целом молодые музыканты пока не интересуются российской публикой.

— Право на аншлаг надо доказывать

— Обязательно! Концерт в Волгограде, Костроме, Ярославле или Владивостоке требует от музыканта большего напряжения сил, чем концерт в Нью-Йорке или Лондоне. Это я не для бравады говорю. Это чистая правда.

— Чья оценка для вас важна?

— В первую очередь — моих родителей.

— Одно и то же произведение пианист в разном возрасте играет по-разному?

— Да. Если у тебя нет эволюции в интерпретации, то тебе, считаю, не стоит вообще на сцену выходить. Я сыграл Первый концерт Чайковского более 300-400 раз и, нафиг, ни разу не повторился. Когда я играю с такими дирижерами, как Владимир Федосов, Владимир Спиваков, Михаил Плетнёв, я всегда импровизирую. Это такие дирижеры, с которыми можно импровизировать прямо на сцене. Импровизировать — в смысле интерпретации произведения. Удачи тут случаются, как правило, спонтанно. Да и в жизни точно так же. Ты что-то планируешь, а получается иначе — подчас лучше, чем ты ожидал.

но действительно существует такая закономерность, весьма парадоксальная. Хотя я, например, никогда не уезжал, жил здесь. И свою музыкантскую карьеру я начинал не на Западе, а в России. Мне представлялось важным состояться именно здесь.

— Важны — по патриотическим соображениям?

— Скорее по pragmatics. Я считал необходимым и полезным, прежде чем начать гастролировать по миру, заключиться на русской публике. Она — самая трудная, что там ни говори.

— Почему российская публика для вас самая трудная?

— Не только для меня — для любого музыканта. Российский слушатель, даже если он не музыкант, каким-то мистическим образом понимает, что ты собой представляешь и что стоишь.

— Дилемат не может этого понимать.

— Может. В том-то и дело.

— Российский слушатель настолько проницателен?

— Абсолютно никаких! Ты можешь закончить консерваторию, можешь прослушаться у дирижера, найти себе импресарио, но все равно никто тебе не даст стоящих гарантит, что у тебя получится сольная карьера.

— А победа на Международном конкурсе имени Чайковского такую гарантию дает?

— Я победил на нем в 1998 году. Но не могу сказать, что после этого моя творческая судьба круто изменилась. Нет, я не получил ни одного соленного концерта.

— Моя выступила я организовал сам, через личные связи, знакомства. Да и вообще конкурс дает музыканту лишь некий шанс на дальнейшую карьеру. Все остальное зависит от тебя самого.

— Ты хочешь сказать, что ты можешь сделать для себя?

— Да. Если ты хочешь стать иконой, то тебе надо делать, чтобы ходили о тебе легенды. И потом, невозможно совмещать исполнительскую и педагогическую деятельность. Я попробовал один раз — не получилось.

— У вас есть ученики?

— Нет, я не преподаю. У меня нет к этому таланта. Я не могу объяснить молодому человеку, что ему нужно делать, чтобы хорошо играть. И потом, невозможно совмещать исполнительскую и педагогическую деятельность. Я попробовал один раз — не получилось.

— Чтобы стать выдающимся музыкантом, в детстве надо быть вундеркиндом?

— Упаси бог! Очень не люблю этого слова — «вундеркинд». Когда я стал президентом Международного фонда «Новые имена», я сразу сказал: «Наша задача в том, чтобы из способного ребенка вырастить большого музыканта, а не в том, чтобы из вундеркинда сделала звезду». Выращивание звезд из вундеркинда — заведомо провальная стратегия. К пятнадцати-шестнадцати годам такой ребенок уже как вялый лимон. Он психологически сломлен, закомплексован. Все его природные задатки растратчены. Большого музыканта надо расти долго и кропотливо.

— Таланту требуется постепенное развитие. Это не «Фабрика звезд».

— Но есть же какие-то обязательные слагаемые, о которых

— В России существует целое поколение молодых музыкантов классической музыки, но о нем никто не знает. Фестиваль «Кременчук» — будущий арт-директором фестиваля «Кременчук», вы разве не стремитесь поскорее представить публике этого или иного молодого музыканта?

— Одно и то же произведение пианист в разном возрасте играет по-разному?

— Да. Если у тебя нет эволюции в интерпретации, то тебе, считаю, не стоит вообще на сцену выходить. Я сыграл Первый концерт Чайковского более 300-400 раз и, нафиг, ни разу не повторился.

— Каждый раз ты делаешь что-то новое, что-то интересное. Ты можешь сказать, что у тебя есть своя манера игры?

— Да. Я всегда стараюсь играть по-разному. И это не значит, что я играю одинаково во всех концертах.

— Но почему российскому музыканту, чтобы состояться в России, надо сначала состояться в Европе, Америке?

— Тому много разных причин,

но в целом молодые музыканты пока не интересуются российской публикой.

— Право на аншлаг надо доказывать

— Обязательно! Концерт в Волгограде, Костроме, Ярославле или Владивостоке требует от музыканта большего напряжения сил, чем концерт в Нью-Йорке или Лондоне. Это я не для бравады говорю. Это чистая правда.

— Чья оценка для вас важна?

— В первую очередь — моих родителей.

— Одно и то же произведение пианист в разном возрасте играет по-разному?

— Да. Если у тебя нет эволюции в интерпретации, то тебе, считаю, не стоит вообще на сцену выходить. Я сыграл Первый концерт Чайковского более 300-400 раз и, нафиг, ни разу не повторился.

— Каждый раз ты делаешь что-то новое, что-то интересное. Ты можешь сказать, что у тебя есть своя манера игры?

— Да. Я всегда стараюсь играть по-разному. И это не значит, что я играю одинаково во всех концертах.

— Но почему российскому музыканту, чтобы состояться в России, надо сначала состояться в Европе, Америке?

— Тому много разных причин,

Без любви — грех

«На сцену надо выходить с горячим сердцем», — убежден Максим Аверин. Тогда ты можешь собирать залы на двухчасовой моноспектакль и говорить со зрителями о том, что тебя волнует.

Можешь, отвечая на вопросы журналистов, сказать: «У меня нет никаких званий, я не народный и даже не заслуженный, зато любимый артист — и горжусь этим!» Сегодня звезда сериала «Глахарь» и «Склифосовский» в гостях у «СВ».

— Максим, вы один из самых востребованных артистов, заметно присутствующий в моноспектаклях.

— Актерский век короток, и наша профессия делает нас жадными до работы. Даже успех не всегда означает, что ты удовлетворен в творческом отношении.

Жизнь одна, и наступает момент, когда понимаешь, что хотел бы сделать и то, и это, но, к сожалению, есть политика репертуарного театра, есть еще 50 артистов, которые имеют право на актерское счастье. Мне стало тесно, и я придумал моноспектакль, где можно показать себя в разных лицах и быть открытым для зрителя.

— А современная драматургия способна создать такое волшебство?

— На самом деле не имеет значения, кто играет — братьев Пресняковых или Островского. Проходят столетия, а проблемы у человека все те же. У нас был спектакль «Доходное место», и что ни страна — все актуально, потому что так будет всегда, это заложено в нашей с вами крови. Такой, знаете, русский эпос, лишь бы лежать на печи и ждать рыбку, которая все сделает по щучьему велению.

На сцену всегда надо выходить с горячим сердцем, вот и все. Профессия наша эфемерна. Плоходировали, и через час от этого ничего не остается. Разве что в наших зрительских сердцах. А актер проживает каждый раз все заново. Не выйдет же к публике со словами: знаете, мы вчера так выложились в спектакле, у нас был такой успех, позовите сегодня без вдохновения сыграть. Публика в этом смысле жестока, один раз совершил — больше не поверят.

— Как восстанавливается после спектаклей?

— Разве можно устать от того, что определяет твою жизнь? Когда выхожу на сцену, я, наоборот, выздоравливаю. Один шаг делаешь — и все проходит. Отдых нужен, конечно. Моя энергетическая батарея — это море. Но для через три начинаю скучать. Вообще, у каждого творческого человека свой тренинг, у музыканта — это танцы, у балерины — станок, у художника — рисунок, станок актера — его душа. Она всегда должна тащить. И поэтому даже отыха я воспринимаю как профессиональный тренинг. Как там у Ахматовой? «Когда я бы знала, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...» Улатаешь в Венецию, идишь в кафе, где сидел когда-то Бродский, и думаешь — как это красиво и театрально, и в тебе что-то рождается, а потом все это не может не расцвести, не сложиться в какой-то

пазл, чтобы проявиться в нужный момент.

— Слава следователя Глахарева не мешает вам в театре?

— Актриса театра и артист кино — две разные профессии. Театр — это «здесь и сейчас» и огромная энергия, а кино — более интимное искусство. Конечно, когда после премьеры «Лондон Шоу» выходит газета с заголовком «Глахарь» — все! Ну как комментировать, ведь столько всего сделано!.. С другой стороны, «Глахарь» стал частью моей жизни. Любой артист мечтает о такой роли, о которой будут говорить зрители. Я давно не снимаюсь в этом фильме, а меня до сих пор благодарят за Глахарева. Многие стали интересоваться моими театральными работами и открыли для себя для себя.

Вы знаете, почему многие люди не ходят в театр? Потому что у них еще в школе отбили это желание, когда заставляли смотреть бездарные постановки.

— На самом деле не имеет значения, кто играет — братьев Пресняковых или Островского.

Проходят столетия, а проблемы у человека все те же. У нас был спектакль «Доходное место», и что ни страна — все актуально, потому что так будет всегда, это заложено в нашей с вами крови. Такой, знаете, русский эпос, лишь бы лежать на печи и ждать рыбку, которая все сделает по щучьему велению.

На сцену всегда надо выходить с горячим сердцем, вот